
УДК 316.25
ББК 60.560
К 78

Е.В. Красавина,

*кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом
Российского государственного торгово-экономического университета,
г. Москва, ул. Смольного, 36, e-mail: krasavina_2905@mail.ru тел.
+79268995882*

**Институциональная среда
имитационных практик адаптации
(Рецензирована)**

Аннотация. Рассматривается процесс институционализации теневых социальных практик в различных сферах жизнедеятельности современного российского общества в аспекте его влияния на содержание и направленность социальной адаптации молодежи.

Ключевые слова: институциональная среда, тневые обменные практики, социоцентризм, социальная адаптация, имитационная модель поведения.

E.V. Krasavina

*Candidate of Sociology, Associate Professor of Personnel Management Department,
Russian State Trade-Economic University, Moscow, e-mail: krasavina_2905@
mail.ru, ph.: +79268995882*

**Institutional surroundings
of simulation practice of adaptation**

Abstract. The paper deals with the process of institutionalization of shadow social practices in different spheres of life of Russian contemporary society in the aspect of its influence on the content and orientation of social adoption of young people.

Keywords: institutional surroundings, shadow exchange practice, sociocentrism, social adaptation, simulation behavioral model.

Одним из популярных направлений российских социологических исследований последних десятилетий была проблематика теневых социальных практик. Предмет этих исследований — тневая экономика — во второй половине 90-х гг. XX в. приобрел в России столь масштабное выражение, что искушенные исследователи указали: тневая экономика превращается «в структурированную и самовоспроизводящуюся социальную систему, которая не только скрыта от государственного контроля и наблюдения, но и имеет внутреннюю организацию» [1]. Иными словами, речь идет об институциональном оформлении тневых практик.

Изучение тневых практик позволило показать, что они действуют внутри тех или иных легальных структур в процессе рыночных экономических преобразований. К ним относятся: «1) тневое производство каких-то видов продукции (скажем, золота или водки); 2) тневой сбыт продукции; 3) нецелевое использование бюджетных средств; 4) обналичивание; 5) тневые доходы, в том числе — тневая зарплата; 6) тневое инвестирование; 7) тневая занятость; 8) тневые экспортно-импортные операции; 9) тневой отток капитала; 10) тневая оплата услуг чиновников, коррупция» [2].

Однако, если проблематика тневой экономики и тневизации общества [3]

в целом стала предметом заметных исследований, то социокультурные последствия этой тенденции, и особенно — ее влияние на адаптационные практики молодежи, рассматриваются редко. Этой проблеме посвящена данная статья.

Начать, естественно, можно с того, что в российском обществе сложилась, хотя и глубоко специфичная, но основанная на институтах свободной рыночной экономики институциональная среда. И прежде чем перейти к характеристике ее специфики, остановимся на определении рыночной институциональной среды как таковой в части требований и критериев, предъявляемых ею к человеческому поведению.

В этом смысле среда, конституированная рыночными институтами, может быть определена как такая среда, в которой тотально господствует принцип свободного, ничем не лимитированного обмена любыми благами, от материальных до символических. Отсюда доминирование и всеобщность обменного характера повседневных практик, который распространяется на все сферы жизни общества, в том числе и на те из них, которые прежде не имели обменного характера.

Всеобщность обменных отношений, пронизывающих повседневность рыночного общества, вполне соответствует идее свободного рынка, в том смысле, что в такой институциональной среде минимизировано число формальных ограничителей обменных практик. Классики экономического либерализма и неолиберализма подчеркивают, что успешность рыночной активности оценивается масштабом материального обогащения, а определяющим человеческим качеством, приводящим к успеху, является способность к рациональной калькуляции. «Экономический человек» Адама Смита представляет собой не только необходимую для экономиста абстракцию, но и идеальный тип личности, у которой способность к рациональным обменным практикам является преобладающей. Это паттерн адаптационного поведения в рыночной институциональной среде, которая

ставит перед человеком цель обогащения, а достигать ее предписывает посредством серии рационально просчитанных обменов. Такие обмены могут быть и сложными по структуре, многоступенчатыми и процессуальными, то есть осуществляемыми длительно на протяжении всей жизни. Рационально калькулируемые цепи обменов и наполняют собой среду рыночного общества, организуемую соответствующими институтами.

Свобода рационально просчитанных обменов, однако, как всякая свобода, является и «свободой от», и «свободой для». На вопрос, для чего существует эта свобода, ответ уже дан: это свобода для неограниченных (или почти неограниченных) выгодных обменов в разных социальных сферах. Но «от чего» свободна среда, конституированная рыночными институтами? Очевидно, от того, что ставит ограничения обменной деятельности, указывая на определенные виды благ, качеств, действий как на недоступные свободному рыночному обмену, «непродающиеся», неизмеримые в рамках универсальной обменной шкалы цен. Свобода обменных практик кончается там, где есть надпись «не продается». Здесь же кончается и область господства прагматических мотиваций обменной деятельности.

Таким образом, макросоциальное пространство, оформляемое рыночными институтами, является пространством, где господствует прагматический этос. Естественно, что никакой социальный порядок невозможен без формального структурирования этой всеобщей обменной деятельности, которая бы в ином случае стала бы хаотической. И в основе легитимации социального порядка, построенного на принципах свободного рыночного обмена, должны лежать некие базовые ценностные представления. Однако ценностные представления, как указывают Дюркгейм и Парсонс, легитимируют порядок лишь в том случае, если общественный консенсус признает их сакральными, не подверженными обмену, а следовательно, выпадающими из общего прагматического контекста

повседневности рыночного общества.

В таком случае среда, в которой превалирует взаимодействие рыночного типа, характеризуется наличием непроходящего напряжения между обменом как господствующим принципом организации повседневности, с одной стороны, и недоступными обмену сакрализованными ценностями-легитиматорами установленного порядка. Целью повседневных практик индивидуальных акторов является жизненный успех, основным мериллом которого выступает материальный достаток и сопутствующий ему социальный статус, — и этим определяется превалирование инструментальных ценностей в качестве действующих ориентиров, — в то время как выбор средств достижения этой цели ограничен установленным порядком, упирающимся в сакральные ценностные основания легитимирующей его культуры. И действующий в своих личных целях актор должен постоянно учитывать эти ограничители в своих обменных практиках. Но обменная модель взаимодействия тяготеет к все более широкому распространению, в пределе — к обретению реально всеобщего характера, к проникновению в сферы, где традиционно был высок удельный вес безусловных и ценностноориентированных практик.

Многие авторы выделяют два идеальных типа культуры: символический и прагматический. Например, С. Карамурза противопоставляет традиционную для России символическую культуру прагматической культуре, более характерной для западного мира. Нам такое противопоставление представляется именно продуктом идеальной типизации, удобным скорее для построения социально-философских конструкций, чем для реалистического социологического анализа. Но нельзя не признать, что для западного культурного мира после Реформации действительно характернее прагматические акцентуации. Доминирование прагматики в культурном пространстве Запада сложилось в основном благодаря длительному процессу трансформации сакрального ядра европейской куль-

туры в сторону формирования протестантского типа духовности, где сглажена пропасть между сакральными и профанными видами деятельности. Профанная деятельность, то есть повседневный мирской труд в профессиональной, в том числе предпринимательской сфере, оказалась сакрализованной — это классически показали М. Вебер, П. Тиллих и другие исследователи протестантизма. В новом, сложившемся после Реформации понимании предпринимательский труд и всякая иная мирская деятельность сами по себе сакральны, ценны для Бога и общества, и потому несут в себе и духовные, и нравственные ориентиры, и этос самоограничения, который М. Вебер охарактеризовал как «мирской аскетизм». В контексте такой культуры правовая и моральная регуляция предпринимательства, потребления, рыночных обменных практик тоже несет на себе сакральный отблеск, не говоря уже о признаваемом многими исследователями сакральном происхождении права. Поэтому сложившийся в Новое время западный тип культуры органически и конструктивно с точки зрения развития экономики и общества синтезировал сакральные регуляторы с прагматикой повседневности, что в итоге привело к оптимизации режима функционирования рыночной экономики и формированию правового общества и государства. Соответственно этому сложилась и оптимальная институциональная среда регламентируемых общественной моралью и правом обменных взаимодействий.

Что же касается России, то аналогичная трансформация социетальной культуры была инициирована в период распада советской общественной системы. Предполагалось, что по мере быстрого осуществления рыночной реформы в экономике — и тоже в компактные сроки — произойдет и переориентация большинства населения на прагматическое поведение, ограничиваемое формально-правовыми регуляторами. Однако, как можно было предвидеть с самого начала, такая стремительная переориентация культурной

ментальности и адаптация к рынку оказалась невозможной. К этому факту можно относиться по-разному, и есть немало авторов, видящих в этом коренное преимущество и особый традиционализм российской ментальности. Так, например, Р. Гальцева, введшая в оборот образный термин «непродвинутая ментальность», в этой связи пишет: «Россия лежит камнем преткновения «на пути прогресса». И хотя ее хулители объясняют свои претензии к ней неспособностью страны стать «правовым демократическим государством», на самом деле их раздражает прежде всего не это — по свободам мы сейчас впереди планеты всей, — но атавизм православной ментальности и приверженность культурной традиции, отчего Россия не вписывается в секулярную траекторию европейской истории. Не политические, а более глубокие духовные и душевные барьеры невидимо и упрямо выстраивает Россия на триумфальном марше политкорректности, не приемля (пока!) новейшей стилистики: беззастенчивого гедонизма, бесцеремонной саморекламы, бессердечного индивидуализма, формалистского панъюридизма, утратившего интерес к различению правых и виноватых по существу» [4].

Таким образом, застарелый дефицит рационального правового мышления у россиян, быстрое наступление «дикого рынка», патерналистские установки, недостаток психологической и профессиональной конкурентоспособности стали фактором неприживаемости в российском обществе правовой модели прагматики, то есть прагматики, получившей, как на Западе, прививку сакрализованных правовых ценностей.

В то же время советский, идеологизированный вариант символической культуры был исторически превзойден и изжит. Поскольку россияне из поколения в поколение жили в условиях обязательного для всех атеизма, религиозная культура и присущий ей тип регуляции были практически утрачены большинством населения. Квазирелигиозный символизм марксистской идеологии был основным типом символической культуры, поэтому после

десакрализации и «отмены сверху» коммунистической идеологии россияне оказались в ценностном вакууме, многократно констатированном исследователями. Например, С.Г. Кара-Мурза рассматривает состояние российского общества в девяностые годы как «жизнь без символов, без опоры, в пустоте» [5].

В результате получилось так, что постсоветское российское общество лишилось нормативной системы «сдержек и противовесов» в виде как сакральных ценностей религиозной или квазирелигиозной традиции, так и до конца не сформировавшейся правовой культуры. Прагматически ориентированные взаимодействия в отсутствие валидных ограничителей заполнили собой все социальное пространство. При этом оказались фактически уничтоженными все различия и границы между формальным и неформальным, легальным и иллегальным. Неформальные практики, осуществляемые «по понятиям», стали настолько всеобщими, что повседневная жизнь фактически илlegalизовалась, «ушла в тень», чему способствовала сложившаяся еще в советский период система двоемыслия. Российское общество на уровне массовых практик оказалось готовым к тому, что в публичных коммуникациях в качестве регламентирующих норм декларируется закон, но в повседневной жизни он утрачивает обязательную силу по отношению к неформализованным обычным нормам, которые не контролируются правом и обществом.

Поэтому институциональная среда сложившегося рыночного российского общества существенно отличается от соответствующей среды западных обществ с традиционно-сложившейся рыночной экономикой.

Конечно, в значительной мере российская специфика институциональной среды обусловлена сложностью трансформационного процесса, в котором уже долгое время находится российское общество. Социетальные трансформации всегда сопровождаются длительным ослаблением социальных институтов, снижением их

функциональной эффективности. Как отмечает Р. Капелюшников, «социальные системы, переживающие глубокую трансформацию, являются деинституционализированными как бы по определению: их прежний институциональный каркас уже сломан, а новый еще не выстроен, ибо это всегда нелегкий и затяжной процесс с негарантированными результатами. В первом приближении общества переходного типа можно было бы охарактеризовать как общества с отключенными или разрушенными формальными регуляторами» [6]. В условиях длительного переходного состояния нередко происходит закрепление и стабилизация, габитуализация иллегальных, нарушающих формальные правовые нормы социальных практик. Известный исследователь институциональной среды современного российского общества В. Радаев подчеркивает, что ее специфика состоит именно в деформализации формальных правил и преобладании неформально-нормативного регулирования социальных практик, то есть в образовании своего рода институциональных вакуумов, где формальные нормы не работают [7]. В этих вакуумах, по мнению многих российских исследователей, происходит габитуализация и институционализация иллегальных практик. Так, И. Клямкин и Л. Тимофеев констатировали, что в современном российском обществе сформировался своего рода теневой социальный порядок, существующий «параллельно официальному и во многом вопреки ему» [8]. И другие крупные исследователи уже в девяностые годы заговорили о «теневизации российского общества» (Р.В. Рывкина), «сращении оси богатства и оси власти» (Т.И. Заславская), формировании «солидарности производителей риска» (О.Н. Яницкий). При этом большинство авторов рассматривали процесс теневизации всех сфер жизни общества как «продолжение» или «распространение» за пределы экономической деятельности теневого поведения, сложившегося в рамках теневой экономики еще в период «застоя». Так, и Л. Тимофеев — крупнейший специа-

лист по изучению теневой экономики, и Р. Рывкина утверждают, что процесс теневизации начинался с экономики. Отсутствие в стране легализованных рыночных экономических отношений привело к их существованию в иллегальном, теневом виде, а затем этот иллегальный тип жизнедеятельности распространился и стал всеобщим.

Нам представляется, что в действительности речь идет о двух отдельных рядах событий. С одной стороны, запрет на легальную живую рыночную экономику еще в брежневские годы привел к вытеснению здоровой частно-экономической инициативы в «тень». Сформировалась целая сфера иллегальной экономики с частным присвоением прибавочной стоимости. С переходом к рынку такие инициативы легализовались, а созданные теневые капиталы получили возможность выведения на «свет». Естественно, непропорциональность и издержки налогообложения производителя в первые постперестроечные десятилетия привели к массовому распространению в частном бизнесе «черных касс» и «серых схем», и теневой сектор в экономике не только не сократился, но и расширился.

И все же это совсем не объясняет, на наш взгляд, того факта, что иллегальные практики стали доминировать в непроизводственных сферах — здравоохранении, образовании, армии, управленческих и силовых структурах. Для того чтобы это произошло, недостаточно увода значительных денежных ресурсов в «теневой оборот». Необходимо еще и широкое распространение соответствующих изменений в индивидуальной и общественной психологии, формирование (или деформирование) коллективной ментальности, поддерживающей эти изменения.

Мы полагаем, что теневизация общества, описанная Р.В. Рывкиной и другими авторами, в первую очередь является не экономическим, а культурно-ментальным феноменом, обусловленным десакрализацией общественной жизни, разрушением укорененных в символической культуре прошлого нравственных запретов, слу-

живших ограничителями обменных отношений. Девальвация социетальных ценностей, сформированных традиционной российской культурой, привела к практически ничем не ограниченному распространению прагматически ориентированных обменных взаимодействий. Теневые практики, по своему содержанию представляющие собой иллегальные обменные сделки, сформировали настолько устойчивые траектории, что возникли основания говорить об институционализации теневых структур и правил игры, деинституционализации формальных институтов, институционализации коррупции. Исследователи этого процесса отмечают: теневая практика представляет собою единую сеть, охватившую почти все сферы общественного бытия (а не только экономику) и соответственно все группы самостоятельного населения страны. Сложилась и укрепилась единая всеохватывающая система теневых обменов [9].

Эта система организует тот контекст повседневных взаимодействий, в который интегрированы индивидуальные акторы. В этом контексте они ищут способы и средства достижения своих жизненных целей. Естественно, что вовлеченность в среду, конституированную теневыми обменами, влияет и на цели, и на средства повседневных практик индивидуальных акторов.

Во-первых, это влияние проявляется в дальнейшем размывании социальных норм и нормативных социальных ожиданий. Если институциональная среда допускает массовую безнаказанность нарушения формальных норм, актор в своем индивидуальном поведении перестает принимать эти нормы в расчет. С одной стороны, он становится свободным от следования нормам, в том числе и нравственным, двигаясь к достижению своих личных целей; с другой стороны, он сознает, что ему не стоит ожидать от общества защиты, если его собственные права и законные интересы будут нарушены, поскольку и для других участников взаимодействия нравственные и социальные нормы тоже не действуют. Беззащитность ин-

дивидуального актора в его повседневности является отличительной чертой теневизированной институциональной среды, которая характеризуется высокой степенью неопределенности и соответствующим уровнем риска для любого актора. Как пишет О. Яницкий, это «среда (ситуация), заставляющая находящегося в ней «нормального» (мирного) индивида пересматривать присущую ему систему ценностей и повседневных практик под единственным углом зрения — самосохранения и выживания». Она вынуждает индивида постоянно искать защиты, лишая его ощущения экзистенциальной безопасности. Неопределенность проявляется и в размытости норм, и в отсутствии гарантий и механизмов формально-правовой защиты личных прав, и в целом в том, что теневые обмены становятся единственной предсказуемой и гарантированной формой социального взаимодействия.

С другой стороны, системность и повсеместность теневых практик определяют известную социальную принудительность участия в них индивида — если не активного, то пассивного. Участие в теневых практиках часто выступает непосредственным условием занятия статусных позиций, а уклонение от них становится фактором замедления и даже невозможности любой вертикальной мобильности. Актор интегрируется в теневую среду часто помимо собственной воли, вопреки усвоенным в процессе социализации ценностям-убеждениям, как бы вступающая в вынужденный компромисс со средой. Всеобщность среды теневых взаимодействий определяет участие в ее обменных практиках людей с самыми разнообразными адаптационными стратегиями.

Наконец, принципиально важным является то, что теневизированная среда социальных взаимодействий стала настолько всеобщей, плотной, гомогенной, что изменить ее, по мнению исследователей, в настоящее время невозможно. По характеристике И. Клямкина и Л. Тимофеева, это всеобъемлющая плотная социальная материя, коррупционно-теневая среда,

о торую нельзя быстро изменить никакими законодательными и репрессивными мерами [10]. У индивидуального актора не остается никакого выбора, кроме как адаптироваться к этой среде, подстраиваясь под ее требования и ожидания, стремясь вступить с ней в гармоничные отношения.

Однако это нелегко, поскольку правила игры в этой среде существенно отличны от официальных норм социального взаимодействия, базирующихся на соответствующих «официальному» социальному порядку ценностей-убеждениях социоцентрического типа. В силу чего направленная социализация молодежи, закладывающая в психологию и поведение формирующихся акторов ориентацию на терминальные социоцентристские ценности-убеждения, апеллирующие к нравственности, и проистекающие из них нормы социального взаимодействия, не обеспечивает успешной социальной карьеры.

Усвоенные персонистские установки вступают в открытое противоречие с социоцентристскими, когда молодой человек выходит в открытую жизнь, в которой социоцентризм, законопослушность и нравственность вовсе не гарантируют ему социальной успешности, материального достатка и даже социальной защищенности. Для разрешения этого противоречия возникает необходимость в адаптационной стратегии, направленной на гармонизацию отношений со средой.

Но эта среда, к которой пытается адаптироваться молодой индивид, — теневизированная, то есть организованная конфигурацией частногрупповых интересов, и социоцентризм в ней не востребуется и не вознаграждается. Кроме того, это среда теневых обменов, где официальные институты, в нормальном случае опосредующие социальные взаимодействия акторов, оказываются избыточными, так как теневые обмены происходят иллегально и непосредственно, в чем и состоит их рыночная рациональность. Однако непосредственный и не ограниченный никакими видами регуляторов, кроме неформальных правил, теневой обмен

нуждается в официальных институтах как в фоне, питательной среде и необходимом условии своего воспроизводства. Именно наличие официальных институтов и легальных норм обеспечивает условия, при которых теневой обмен становится рационально предпочтительнее и комфортнее действия по легальным правилам и каналам.

Из сказанного вытекают следующие выводы:

1. Институциональная среда современного транзитивного российского общества уже длительное время характеризуется слабостью формальных регулирующих социальные практики институтов и институционализацией неформальных (теневых) траекторий обменных взаимодействий. Теневые институциональные траектории поддерживаются неформальными нормами, превратившимися в общепринятые регуляторы повседневных практик. Доминирование и всеобщий характер теневых обменов привели к дальнейшему размыванию официальных норм социальной регуляции и расширению границ социально дозволенного, а следовательно, к нейтрализации и дискредитации нравственных регуляторов социального поведения в массовом масштабе; к высокой степени неопределенности, незащищенности и риска для индивидуальных акторов в их повседневных практиках; к социально принудительному активному или пассивному участию множества индивидов в теневых взаимодействиях.

2. Сложившийся теневой институциональный порядок, основанный на прямом обмене, делает избыточным регулятивное посредничество официальных институтов и обесценивает связанные с ними нормы и социоцентристские ценности-цели, на закладку которых направлена социализация в образовательных учреждениях. В то время как цель деятельности институтов образования заключается в воспитании социоцентричного в своем поведении индивида, теневизированная социальная среда оставляет социоцентричное поведение невостребованным и депремированным, востре-

буя и вознаграждая преимущественно прагматически-конформистскую модель поведения, в описанных условиях предполагающую участие в теневых практиках. Тем самым уже на выходе из образовательного учреждения молодые люди сталкиваются с механизмом социальной селекции, направленной на самовоспроизводство тенеvizированной среды. Высокая рискогенность и неопределенность жизнедеятельности в такой среде, низкая эффективность реальной подготовки к ней в процессе социализации выдвигают к индивиду жесткие требования дальнейшей социальной адаптации.

3. Поскольку адаптация происходит по отношению к тенеvizированной среде, функционирование которой не регламентируют официальные нормы и в которой доминируют частногрупповые интересы, а не анонимный социо-

центризм, она нейтральна по отношению к нравственным и гражданским ценностям и направлена на гармонизацию отношений актора именно со средой теневых обменов, в которой реально протекает его повседневная жизнь. Однако теневой характер этой среды принципиально предполагает удвоение, то есть наличие второй, официальной среды со своими институтами, тенью которой она является. Именно презентационное наличие официальной среды сохраняет условия для господства неформальных обменных практик. Поэтому адаптация к тенеvizированной среде обязательно включает в себя и имитативно-презентационную часть: социальный успех индивида обеспечивается не только участием в теневых обменах, но и деятельностью по имитации социоцентрического поведения и следования официальным нормам.

Примечания:

1. Косале Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. 2002. №4. С. 13.
2. Там же. С. 17.
3. Рывкина Р.В. Тенеvizация российского общества: причины и последствия // Социс. 2000. №12.
4. Гальцева Р. Тяжба о России. На рубеже столетий // Новый мир. 2002. №8.
5. Кара-Мурза С.Г. Разрушение мира символов // Советская цивилизация. Т. II. URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b117.htm.
6. Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. №1. С. 141.
7. Радаев В. Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. №6. С. 60-79.
8. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 83, 206.
9. Там же. С. 12-13, 51.
10. Там же. С. 107-108, 204.

References:

1. Kosals L.Ya., Ryvkina R.V. The formation of shadow economy institutes in post-Soviet Russia // Sotsis. 2002. No. 4. P. 13.
2. Ibidem. P. 17.
3. Ryvkina R.V. Shadowing of the Russian society: causes and effects // Sotsis. 2000. No. 12.
4. Galtseva R. A lawsuit on Russia. At the turn of centuries // Novy mir. 2002. No. 8.
5. Kara-Murza S.G. Destruction of the world of symbols // Soviet civilization. V. II. URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b117.htm.
6. Kapelyushnikov R. «Where is the beginning of that end?..» (on the problem of termination of the transition period in Russia) // Economy Questions. 2001. No. 1. P. 141.
7. Radayev V. Deformalization of the game rules and avoiding taxes in the Russian economic activity // Economy Questions. 2001. No. 6. P. 60-79.
8. Klyamkin I.M., Timofeev L.M. Shadow Russia: economic and sociological research. M.: Ros. State Humanit. un-ty, 2000. P. 83, 206.
9. Ibidem. P. 12-13, 51.
10. Ibidem. P. 107-108, 204.